

НОВАЦИИ И ТРАДИЦИИ В КУЛЬТУРАХ ДРЕВНЕГО НАСЕЛЕНИЯ ВЕРХОВЬЕВ РЕКИ ИСЕТИ (ЭПОХА ПОЗДНЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА)

В. Д. Викторова,
кандидат
исторических наук,
старший научный
сотрудник
отдела археологии
и этнографии
Института истории
и археологии
УрО РАН

Предыдущие статьи были посвящены древней истории края в эпохи камня, раннего металла и раннего железного века. Эта статья познакомит читателя с историей края эпохи Великого переселения народов и формирования на территории современной Свердловской области этнического объединения предков манси.

Археологические памятники этого периода в верховьях Исети исследуются с конца XIX в. Были проведены раскопки у подножия скал Чертова городища (С. И. Сергеев), на горе Матаиха, у подножия Больших и Малых Шарташских каменных палаток (С. И. Сергеев, Н. А. Рыжников, А. С. Комес). В конце 1920-х – начале 1930-х гг. А. А. Берсу и П. А. Дмитриеву удалось раскопать несколько погребений могильника Калмацкий Брод, сохранившихся при строительстве железной дороги у станции Гать. В середине XX в. Е. М. Берс при раскопках на горе Петрогром обнаружила, наряду с металлургическими комплексами раннего железного века, остатки горнов и жертвоприношений позднего железного века. В 1970–1990-х гг. были исследованы курган Исетский XIII А (В. Т. Петрин, В. М. Морозов), остатки горна и жилищ на поселении Исетское Правобережное I (В. Ф. Кернер), следы металлургического производства на памятниках Палатки I (В. Д. Викторова) и Палатки II (С. Н. Панина), могильник Перегон V (А. Ф. Шорин, Р. Б. Волков).

Богатая источниковая база дает возможность реконструировать историю края периода позднего железного века.

В. Ф. Кернер,
научный сотрудник
отдела археологии
и этнографии
Института истории
и археологии УрО РАН

На дороге миграций

Верховья Исети издревле находились на одном из магистральных путей из Западной Сибири в Восточную Европу. Путь шел через левобережные притоки Оби на Исеть и через ее верховья к верховьям Чусовой и далее – на Каму. Культурные, хозяйственные, обменные и, возможно, семейные связи народов двух частей евразийского континента фиксируются с неолитического времени и во все последующие древние эпохи, а с энеолитического времени по этому пути начались переселения с запада на восток и в обратном направлении.

По дороге бывших обменных связей ушла из районов верховьев Исети в лесную полосу Зауралья и Западную Сибирь большая часть иткульских металлургов¹. Значительно реже посещали традиционные металлургические площадки потомки иткульских металлургов – население кашинской культуры. А на рубеже эр в

край стало прибывать новое население. На склонах гор Чертова городища, Матаихи, Семи Братьев, на перешейке южного полуострова палеоозера Романовского появились некрополи из 4–6 курганов со стоящими камнями – менгирами. Судя по раскопкам на памятнике Палатки IV, в район пришли кочевники с восточного берега Каспийского моря². Но пока нет доказательств, что это население установило какие-либо контакты с местными племенами.

Скотоводы Зауральской лесостепи давно обменивали скот на металлические изделия металлургов, проживавших в районе истоков Исети. Поэтому приход в III–IV вв. отдельных групп скотоводов в край, видимо, был воспринят благоприятно. О процессе взаимоассимиляции двух культур можно судить на основании керамики со святилищных комплексов (гора Матаиха, памятник Палатки I) и с мест металлургического производства (гора

¹ См.: Викторова В. Д. Почему на птицевидных изображениях появились личности // Урал. ист. вестн. Екатеринбург, 2002. № 8. С. 81–82.

² См.: Викторова В. Д. Погребальные комплексы памятника Палатки IV // Пятые Берсовские чтения. Екатеринбург, 2006. С. 91.

Петрогром, Вершина V). В орнаментации сосудов с этих памятников смешаны черты кашинской культуры (гребенчатый способ нанесения узоров) и саргатской (резные узоры). Еще одной характерной чертой посуды нового матаихинского типа

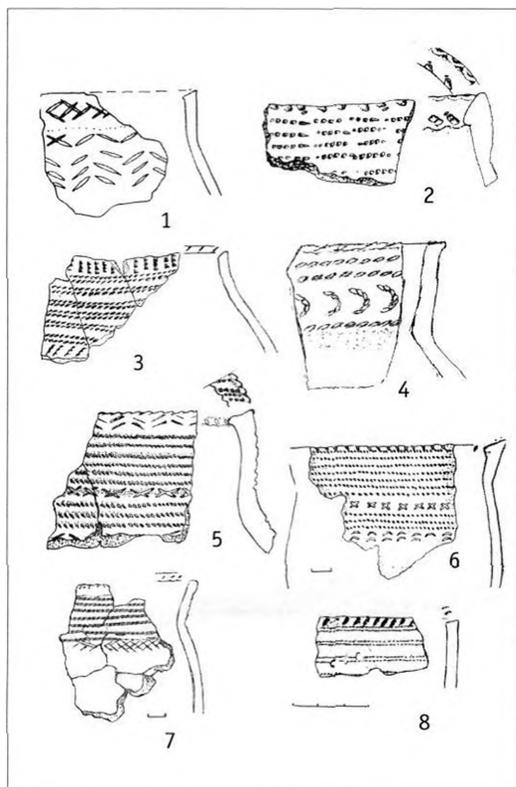

Рис. 1. Фрагменты сосудов:
1, 2 – матаихинского типа;
3 – батырского типа;
4 – прыговского типа;
5, 6 – петрогромского типа;
7 – юдинского типа;
8 – макушинского типа;
1, 2 – гора Матаиха;
3, 5, 7, 8 – Исетское Правобережное I;
4 – Вершина V;
6 – гора Петрогром

был скошенный внутрь плоский венчик (рис. 1, 1, 2).

С IV–V вв. н. э. верховья Исети становятся одним из узловых пунктов, через который начали двигаться волны мигрантов. Видимо, под давлением лесостепного местного населения прыговской культуры и западно-сибирских племен со среднего и южного течения Оби скотоводы-кочевники из Прикаспия и группы населения матаихинской культуры покинули край и ушли в Приуралье.

В III–V вв. на территории лесостепи Зауралья тоже шел процесс взаимоассимиляции двух культур – скотоводов саргатской культуры и потомков иткульских металлургов кашинской культуры. Об этом свидетельствуют способ орнаментации, узоры и композиции на сосудах. Возникла новая культура, одной из специфических черт которой было появление на сосудах шнуровой орнаментации и узо-

ров в виде «подковки» (рис. 1, 4). Какие-то группы этого населения заходили в район верховьев Исети и оставили следы в виде фрагментов керамики на местах металлургического производства (Вершина I, Шарташские каменные палатки). Здесь и на других традиционных местах металлургического производства (гора Петрогром (рис. 2), Вершина V и впервые – у основания скал Чертова городища (рис. 3)) появилась керамика несколько иной формы и орнаментации. Отпечатки тонких шнуровых оттисков покрывают высокое узкое горло сосудов батырского типа (см. рис. 1, 3). Все перечисленные выше памятники многослойные, металлургические объекты III–V вв. на них достоверно не выделяются.

Пока раскопан единственный памятник, который можно отнести к металлургии IV–V вв., – Исетское Правобережное I. Керамика батырского типа обнаружена возле основания горна и двух костровищ у кромки берега болота (залива палеозера Романовского). Основание горна представляло собой две смежные камеры размерами 1,35 x 0,53 x 0,37 и 0,78 x 0,58 x 0,18 м. У камер были почти отвесные стенки и ровное дно с угольной прослойкой. Возможно, в конструкции верхней части горна использовались небольшие камни. Над одним из костровищ, по-видимому, был навес. Находки у основания горна и рядом с кострищами, помимо керамики, представлены железными шлаками, обожженными кусками кварца, глиняным диском от снаряда для добывания живого огня. В пределах горна лежало железное выемчатое долото (рис. 12, 4).

Итак, в IV–V вв. на одних и тех же памятниках, а также на новых местах появились следы жизнедеятельности металлургов различных культур. Почему интересы различного населения переплетались только на местах металлургического производства? Какой характер носили взаимоотношения различных культур?

Великое переселение народов – это движение военизированных отрядов, а война всегда требует увеличения количества оружия. Поэтому вполне понятно стремление металлургов различных культур освоить местные рудники, варить

кричное железо и изготавливать оружие. Отсутствие поселений различных культурных образований можно объяснить их подвижным образом жизни.

Для ответа на второй вопрос есть несколько фактов. Кочевники рубежа эр

кинжал (рис. 5, 3). В области груди сохранились обломки бубенчика, у пояса расчищены накладка на ремень (рис. 5, 4) и обломки бронзовой пряжки. У левого бока лежало зеркало из золотистой бронзы (рис. 5, 1), у правого – оружие:

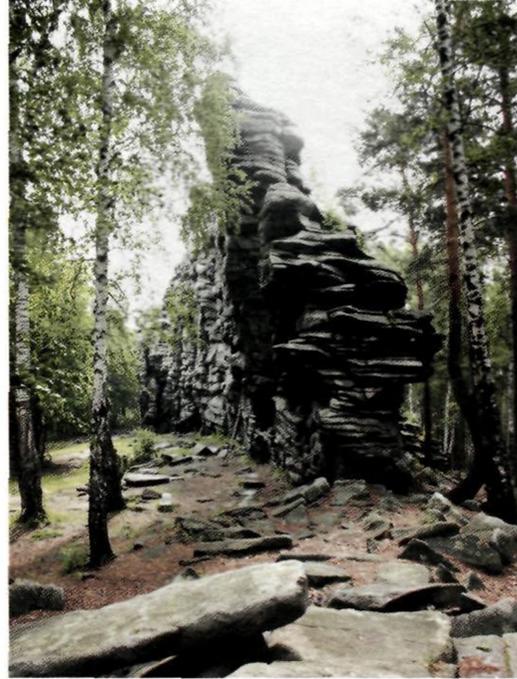
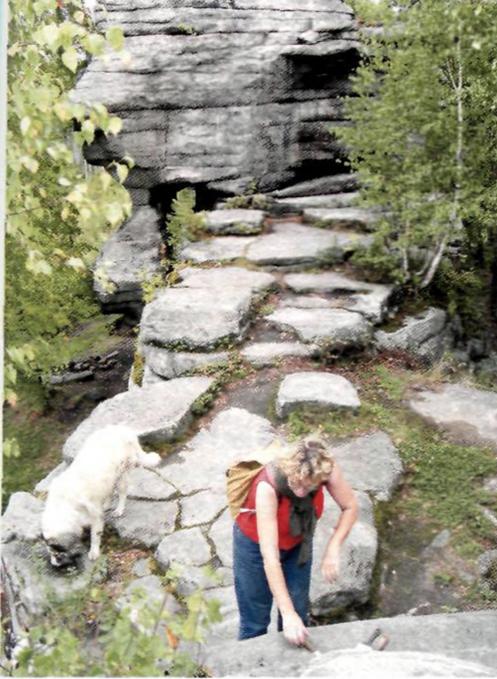

Рис. 2. Место металлургического производства. Гора Петрогром

Рис. 3. Место металлургического производства. Чертово городище

оставили некрополи, состоящие из 4–5 курганов. В настоящее время в крае известны курганные поля, протянувшиеся по склонам гор на 1–1,5 км (гора Пшеничная, южная окраина станции Исеть). Некоторые земляные курганы окружены камнями, изредка на них сохранились невысокие менгиры, в разграбленных ямах видны остатки каменных цист. Ряд курганов имеют разрушенные каменные насыпи. Точное время захоронения в них не установлено, так как они не исследовались. Но есть предположение, что курганные поля – это результаты серьезных военных столкновений именно периода Великого переселения народов.

На могильнике Калмацкий Брод около станции Гать при строительстве железной дороги было разрушено 26 погребений. Археологи смогли спасти лишь одно захоронение, принадлежавшее женщине. В ее изголовье стоял глиняный сосуд, украшенный по шейке шнуровыми оттисками (рис. 4), и лежал железный

бронзовый кельт (рис 5, 2) и железный нож³. Антропологом Д. И. Ражевым определен кольцевой характер деформации черепа.

Каждого любознательного читателя интересует вопрос: каков был внешний облик древних людей, в том числе в период Великого переселения народов.

Современная наука дает ответ на этот вопрос. При лаборатории антропологической реконструкции Института этнологии и антропологии РАН есть уникальный музей. В нем представлено свыше 300 экспонатов – скульптурных и графических портретов, начиная от древнейших людей – архантропов до князя Ярослава Мудрого и царя Ивана Грозного.

Сложный метод реконструкции лица по черепу был изобретен и многократно проверен нашим соотечественником, ученым с мировым именем М. М. Герасимовым. Экспонаты музея – результат работы как самого Михаила Михайловича, так и его учеников.

³ См.: Берс Е. М. Археологические памятники Свердловска и окрестностей. Свердловск, 1963. С. 107.

⁴ См.: *Балуева Т. С., Веселовская Е. В.* Древние жители Среднего Зауралья // Пятое Берсовское чтения. С. 213–215.

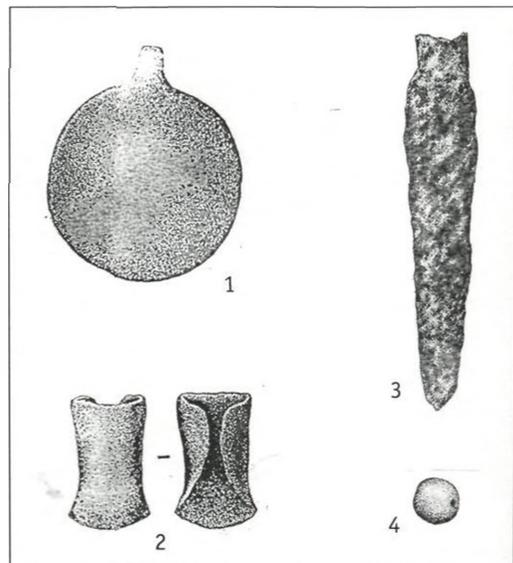
Сотрудниками лаборатории исторической реконструкции лица по черепу⁴ были восстановлены черты лица женщины, погребенной на могильнике Калмацкий Брод (рис. 6). Существует мнение, что деформация черепа – один из признаков

ния, так и новации. С приходом угров-кочевников не были нарушены ни местные традиции металлургии в горно-лесном Зауралье, ни традиции комплексного ведения хозяйства в Прикамье. Новшества коснулись духовных приоритетов

Рис. 4. Сосуд из женского погребения могильника Калмацкий Брод

Рис. 5. Предметы из женского погребения могильника Калмацкий Брод: 1 – зеркало; 2 – кельт; 3 – кинжал; 4 – бляшка; 1, 2, 4 – бронза; 3 – железо (фонды СОКМ)

⁵ См.: *Шарапова С. В.* Символика престижа в саргатской культуре на примере феномена кольцевой деформации черепа // Миф, обряд и ритуальный предмет в древности. Екатеринбург; Сургут, 2007. С. 66–67.

⁶ См.: *Генинг В. Ф.* Южное Приуралье в III–VII вв. н. э. (проблема этноса и его происхождения) // Проблемы археологии и древней истории угров. М., 1972. С. 247; *Боталов С. Г., Тидеман Е. В., Лукиных А. А. и др.* Новые материалы исследований Большого Бакальского городища // Проблемы бакальской культуры. Челябинск; Шадринск, 2008. С. 35–37.

⁷ См.: *Викторова В. Д., Краева О. В.* Символы объединения // Миф, обряд и ритуальный предмет в древности. Рис. 1.

высокого статуса кочевников⁵. Попробуем представить социальный облик погребенной. Это была высокородная женщина-воительница, оснащенная целым арсеналом оружия: кинжалом, боевым кельтом, ножом. Видимо, во время Великого переселения народов отношения мигрантов в крае были довольно напряженными и нередко завершались серьезными сражениями. Можно предположить, что в сражениях участвовало все взрослое население кланов.

Ситуация на территории лесостепи Урала была не менее сложной. Здесь, на городищах и поселениях, обнаружена керамика различных синхронных культур⁶, а на многочисленных некрополях – различные типы погребальных обрядов.

К V–VI вв. из состава разноэтничного населения выделилась наиболее могущественная военно-политическая ассоциация угров-кочевников. Под ее эгидой происходило объединение пришлого и местного населения. Какие есть аргументы для этого утверждения?

В начале структурирования новых социосистем определенную роль играют как традиции пришлого и местного населе-

пришлого населения в формировании самосознания: осознания своей силы, власти, отличия от других социосистем и необходимости интеграции. Самосознание – та клеточка, на основе и вокруг которой складывается мифологическая картина мира в единой знаковой системе. Как для древних эпох, так и в период разложения первобытного общества мифо-ритуальная практика была одной из важнейших форм интеграции и организации новых культурных образований.

Как этот фактор объединения выглядит в археологическом материале? В период Великого переселения народов на памятниках большой территории лесостепи Урала и Прикамья появляются знаки коня – бронзовые подвески-коньки и след копыт коня на сосудах, декорированных шнуром⁷. Эти символы возникли спонтанно, из внутренних потребностей, складывающегося военно-политического союза. Почему знаком стал конь, понятно: конь для кочевника-кочевника был основой всех форм образа жизни – и войны, и хозяйства, и быта. Почему вторым знаком стал шнур? Шнур, жгут, веревка, нить многозначны в представлениях народов

Евразии⁸. Первый смысл знака – окружая, защищать от вредоносных сил; второй – обозначение пути; третий – держать, соединять, объединять.

На первый взгляд, шнуровая орнаментация сосудов периода Великого переселения народов отнюдь не новация. Она была известна на керамике и в металлической пластике раннего железного века. Но такая композиция («подковки» – знак коня между шнуровыми поясками на сосудах лесостепного Зауралья) появляется впервые. И думается, что на сосудах угров-кочевников шнуровая орнаментация сочетала все три указанных смысла при особом акценте на последнем значении – объединять.

Третий знак – общий для большей части угров-кочевников – ромбическая сетка в орнаментации сосудов⁹. Знак ромбической сетки появился в глубокой древности и помещался, в том числе в Зауралье и Западной Сибири, на костяных орудиях, сосудах, встречался в наскальных изображениях. Его смысл – граница, защита¹⁰.

Сочетание очерченных выше трех знаков характерно для материалов с памятников верховьев Исети. О керамике со шнуровой орнаментацией и с «подковками» – следами коня – уже шла речь выше. На сосудах этого времени встречается орнамент и в виде ромбической сетки.

Интересен сюжет с подвесками-коньками. Видимо, в IV–V вв., в период объединения угров, было налажено серийное производство подвесок одного и того же (первого) стиля¹¹. Пока известно два места, где их могли изготавливать, – верховья Исети и Опутятское городище, которое В. Ф. Генинг определил как центр металлургического производства Прикамья в V–VI вв.¹² На горе Петрогром обнаружены два таких изделия: у одного из них обломана нога (рис. 7, 1), от двуконьковой подвески сохранилась лишь половина предмета (рис. 7, 2), у подвески конька с Шарташских каменных палаток обломаны хвост и передняя нога. Производственный брак – признак того, что на тех местах, где он был найден, шло изготовление подобных предметов.

Кочевое скотоводство – экстенсивная форма ведения хозяйства, требующая постоянного расширения пастбищ. Следует также принять во внимание амбиции угорских вождей, стремившихся к захвату новых территорий и усилению своей

Рис. 6. Реконструкция лица по черепу женщины из погребения могильника Калмацкий Брод

власти. В дальнейшем движении к западу угры столкнулись с не менее воинственной готско-славянской миграционной волной и в V–VI вв. были вынуждены свернуть в лесную полосу Предуралья. Там, вплоть до рек Камы и Вычегды, наряду с памятниками местного финно-пермского населения, впервые появились курганные захоронения, сосуды со шнуровой орнаментацией, в том числе со знаком следа коня, бронзовые подвески-коньки первого стиля.

В Зауралье также началось, хотя и более медленное, проникновение кочевников в местную среду угорского населения. В результате этого процесса в течение VI–IX вв. на территории Среднего Зауралья сложились три объединения угорских племен. В бассейнах нижнего и среднего течения Туры и Тавды сформировалась молчановская культура оседлых скотоводов, охотников и рыболовов. В верховьях этих рек процесс становления тынской культуры был более длительным и завершился только к VIII–IX вв.¹³ При этом, по-видимому, часть аборигенов была вы-

⁸ См.: Антонова Е. В. К интерпретации жгутовых мотивов на вещах бактрийско-маргианского археологического комплекса // Вестн. древней истории. 2005. № 1. С. 199–200.

⁹ См.: Викторова В. Д. Археологические культуры в верховьях реки Исети во время Великого переселения народов // Проблемы бакальской культуры. Табл. II.

¹⁰ См.: Там же. С. 87, 89.

¹¹ См.: Викторова В. Д., Краева О. В. Символы объединения. С. 152–153.

¹² См.: Генинг В. Ф. Опутятское городище – металлургический центр харинского времени в Прикамье (вторая половина V – первая половина VI в. н. э.) // Памятники эпохи Средневековья в Верхнем Прикамье. Ижевск. 1980. Рис. 15, 3.

¹³ См.: Викторова В. Д., Морозов В. М. Среднее Зауралье в эпоху позднего железного века // Кочевники Урало-Казахстанских степей. Екатеринбург. 1993. С. 184–189.

теснена на территорию бассейна Конды. Наиболее интенсивно процесс взаимной ассимиляции местных и пришлых угров проходил в рудном районе горно-лесного Зауралья, где к VI в. сформировалась петрогромская культура металлургов.

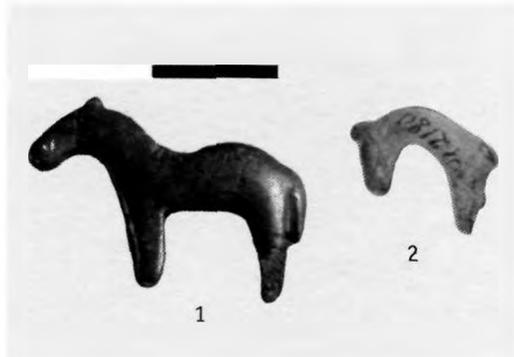

Рис. 7. Коньки-подвески с горы Петрогром (фонды СОКМ)

Металлурги – кочевники?

Основная масса металлургических горнов петрогромской культуры исследована Е. М. Берс на двух плоских вершинах гранитных палаток горы Петрогром. Остатки металлургического производства в виде основания горнов найдены в расселинах, там же обнаружено большое количество медных и железных шлаков. Металлургический процесс, как и в раннем железном веке, сопровождался жертвоприношениями рядом с горнами. На этом памятнике сохранились линзы кальцинированных косточек, костяные наконечники стрел, точильные камни, железные ножи, фрагменты листовой меди с заклепками (остатки котлов), фрагмент серебряной колесовидной подвески VII–VIII вв. Аналогичные подвески известны из могильников ломоватовской культуры Приуралья¹⁴. Среди находок есть кольцо с печаткой, украшенной имитацией зерна.

Мастера петрогромской культуры оставили следы своей деятельности у I, II, V Вершин, расположенных у станции Исеть. Основание горна и скопление железных шлаков этого же времени вскрыты на памятнике Палатки II. И здесь варка железа сопровождалась жертвоприношением. Найдены линза кальцинированных косточек, железный нож, кусочки листовой меди от котла (рис. 8, 1), на-

кончик стрелы (рис. 8, 2), шило (рис. 8, 5), развал сосуда петрогромского типа, костяные наконечники гарпунов (рис. 9).

В расселине Кырманских скал В. М. Морозовым исследованы остатки горна в виде кусков глиняной обмазки и прослоек угля в прокаленном грунте. Помимо керамики петрогромского типа на памятнике обнаружены кальцинированные косточки, костяные наконечники стрел, половина бронзового бубенчика¹⁵.

Среди металлургов были как местные, так и пришлые мастера. И те и другие внесли свой вклад в формирование новой культуры. Об этом можно судить на основании анализа керамики петрогромского типа. Плоский, скошенный внутрь сосуда венчик и орнамент в виде ромбической сетки – традиция местного населения матаихинской культуры. А узор в виде столбиков из отпечатков гребенчатого штампа по шейке сосудов восходит к керамике иткульских металлургов раннего железного века. С пришлым населением связано использование шнуровой орнаментации и отпечатков фигурного штампа в виде «подковки» – знака коня (см. рис. 1, 5, 6).

Где могло жить это население? Могли ли металлурги быть кочевниками? Или их работа в Зауралье носила сезонный характер? Тогда откуда приходили мастера на места металлургического производства, расположенные от горы Синея в Тагильском крае¹⁶ до верховьев Исети?

Единственное жилище этого времени обнаружено на юго-западной периферии неолитического поселения Исетское Правобережное I. Это почти наземное сооружение четырехугольной формы площадью до 21 кв. м, ориентированное по длинной оси с севера на юг. Выход в виде проема находился, по-видимому, в западной стене жилища. В углах и по центру строения зафиксированы довольно мощные столбы, упирающиеся в скальное основание и дополнительно укрепленные камнями. Стены, очевидно, состояли из нетолстых бревен, уложенных горизонтально и промазанных глиной. Пол был земляным. Между двумя центральными столбами располагался очаг – открытое кострище. По всей вероятности, это жи-

¹⁴ См.: *Голдина Р. Д.* Ломоватовская культура в Верхнем Прикамье. Иркутск, 1985. Табл. XIX.

¹⁵ См.: *Викторова В. Д.* Жертвенные места на горах и холмах // *Культовые памятники горно-лесного Урала.* Екатеринбург, 2004. Рис. 35, 9, 14, 15.

¹⁶ См.: *Мищенко О. П.* Культурный комплекс с вершины Синея горы (по материалам раскопок А. И. Россадович) // *Охранные археологические исследования на Среднем Урале.* Екатеринбург, 2001. Вып. 4.

лише имело временное сезонное назначение. Во-первых, оно было каркасно-столбовой конструкции, в то время как в лесной полосе по обе стороны хребта сооружались срубные зимники. Во-вторых, на дне постройки оказалось довольно

венных животных входили северный олень, бобр, косуля, медведь. Находки в составе этого культурного слоя зуба и фрагмента бедренной кости человека вызывают вопрос, не были ли это остатки человеческого жертвоприношения? Наряду

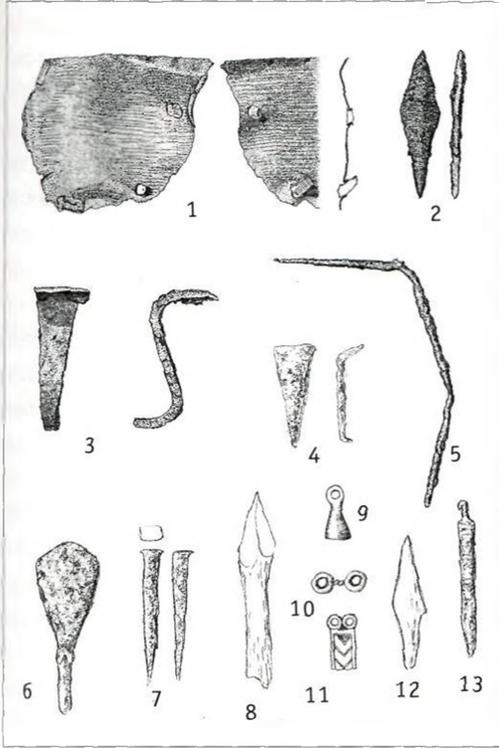

Рис. 9. Костяные наконечники гарлунов. Палатки II (фонды СОКМ)

Рис. 8. Предметы с мест металлургического производства:
 1 – фрагменты котла;
 2, 6, 8, 12 – наконечники стрел;
 3, 4 – скребки; 5 – шило;
 7 – пробойник;
 9, 10 – фрагменты шумящих подвесок;
 11 – подвеска;
 13 – крючок от пряжки;
 1, 9–11 – бронза; 2–7, 13 – железо;
 8, 12 – кость; 1, 3–5 – Палатки II;
 4, 6–8, 10, 11 – Вершина I, II;
 9, 12, 13 – Чертово городище (фонды СОКМ)

мало находок – всего два развала сосудов. Остатки еще одного сосуда найдены неподалеку от жилища.

Е. М. Берс высказала предположение, что металлурги были кочевниками. Этого мнения археологи придерживались в течение второй половины XX в., поскольку все ранее известные и вновь открытые в этот период памятники с керамикой петрогромского типа были либо металлургическими площадками в сочетании с культовыми вещами, либо святилищами.

Святилища без следов металлургии – еще одно доказательство сохранения традиций местного населения. Так, состав находок на останце Старичном аналогичен тем, что были обнаружены на горе Матаихе. От ритуалов, по-видимому, связанных с охотой, сохранились кальцинированные косточки, в основном принадлежащие лосю. Кроме него в число жерт-

ду с керамикой петрогромского типа святилище содержало костяные наконечники стрел, ремennую бронзовую накладку и изделия из железа – обломок ножа, клин и шило¹⁷. Для отправления обрядов, также связанных с охотой, население петрогромской культуры использовало площадки перед наскальными изображениями – традиция, сохранившаяся еще с эпохи энеолита¹⁸. По-видимому, металлурги пополняли свои пищевые запасы охотой.

Итак, где же все-таки они жили? Лишь к началу XXI в. появился ответ на этот вопрос. Фрагменты сосудов петрогромского типа с характерной для Зауралья примесью талька в тесте были обнаружены в Сылвенско-Иренском поречье Приуралья в жилищах и хозяйственных ямах селищ и городищ неволинской культуры¹⁹. Можно предположить, что у этого населения был сезонный образ жизни. С весны до осени металлурги занимались добычей

¹⁷ См.: Викторова В. Д., Чаиркин С. Е. Остров Старичный – новый памятник петрогромской культуры // Охранные археологические исследования на Среднем Урале. Екатеринбург, 1999. Вып. 3. Рис. 4, 5.

¹⁸ См.: Чернецов В. Н. Наскальные изображения Урала // Свод археологических источников. М., 1964. Вып. В4–12.

¹⁹ См.: Пастушенко И. Ю. К вопросу о времени существования петрогромской культуры // Четвертые Берсовские чтения. Екатеринбург, 2004. С. 116.

руды и производством изделий из черного и цветного металла в горно-лесной полосе Зауралья, а зимовать уходили на селища и городища бассейна реки Сылвы.

Добрососедские отношения сложились у металлургов и с угорским населением

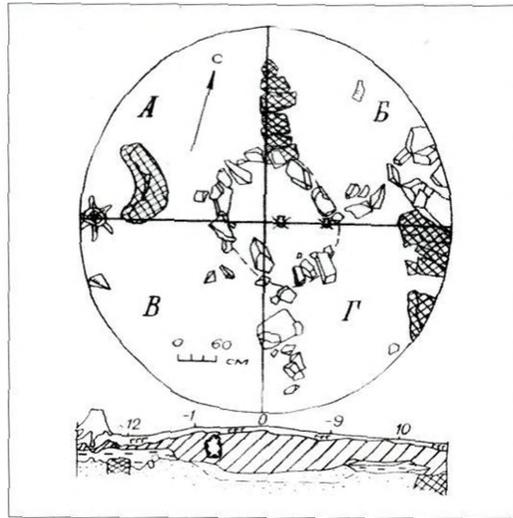

Рис. 10. Курган Исетский XIII A (по В. М. Морозову)

молчановской культуры лесной полосы Зауралья. Следы пребывания населения этой культуры сохранились в виде фрагментов керамики на металлургических площадках петрогромских металлургов от бассейна реки Тагил (памятник Голый Камень) до верховьев Исети (гора Петрогром, Чертово городище). Непонятным остается лишь характер действий населения двух культур на металлургических площадках: было ли это совместное производство металла и изделий или обряд после обмена местных изделий на охотничьи трофеи соседних племен?

Видимо, более сложными были отношения петрогромских металлургов с группами кочевников зауральской лесостепи. Об этом повествуют захоронения в курганном могильнике Исетское XIII A²⁰, расположенном на невысоком западном берегу озера Исетского и датированном VI в. Земляной курган диаметром 8 м имел высоту 0,3 м. Под центральной частью насыпи расчищена оградка из камней размером 3 x 1,9 м овальной формы, ориентированная по линии СЗ-ЮВ (рис. 10). В пределах оградки в неглубокой яме обнаружены три хорошо сохранившихся костяка, один череп с беспорядочно разбросанными костями и два

отдельно лежащих черепа, в том числе один из них без нижней челюсти. Несколько выше захоронений расчищены один целый сосуд, развалы трех и фрагмент еще одного сосуда. На основе взаиморасположения захороненных костей автор предположил, что погребения совершены двукратно или даже многократно. Сосуды помещались, по всей вероятности, на перекрытии могилы²¹. Судя по размерам ямы (2,2 x 1,7 м) и оградки, изначально предполагалось коллективное захоронение. Пять сосудов в могильной яме и фрагменты шести сосудов на площадке рядом с курганом принадлежали кочевникам Зауральской лесостепи – носителям керамики чашевидной формы, украшенной шнуровым орнаментом²².

Характер захоронений и находки в них вызывают ряд вопросов. Во-первых, почему в могиле оказались три черепа без костяков и три хорошо сохранившихся костяка? По этому поводу можно высказать лишь некоторые предположения. Вероятно, была битва, после нее соплеменникам удалось спасти троих тяжело раненных сородичей. Они вскоре скончались и были захоронены. Сородичам, видимо, не сразу удалось вернуться на поле сражения, а когда вернулись, от погибших остались лишь черепа, остальные кости, вероятно, были растащены хищниками. Хотя вполне возможны и другие предположения.

Второй вопрос – почему при погребенных не оказалось никаких вещей, в том числе оружия – пока остается без ответа.

Третий вопрос – каковы были отношения лесостепных кочевников и металлургов петрогромской культуры? Дело в том, что в насыпи кургана и на площадке возле него найдены фрагменты двух сосудов петрогромского типа²³. Здесь возможны две версии. Первая – связи были дружественными, и какая-то группа петрогромского населения участвовала в трапезе, посвященной погребенным. Вторая версия – в пограничье своей территории металлурги, которые одновременно были и воинами, разбили какую-то группу кочевников, появившихся на их земле, и впоследствии отпраздновали свою победу возле кургана с поверженными врагами.

²⁰ См.: Морозов В. М. Курганый могильник Исетское XIII A // Вторые Берсовские чтения. Екатеринбург, 1994.

²¹ См.: Там же. С. 46.

²² См.: Там же. Рис. 2, 1–5, 8, 10–13, 15.

²³ См.: Там же. Рис. 2, 6, 14.

В составе этноса предков манси

В X в. на территории Среднего Зауралья, в пределах современной Свердловской области, на основе трех больших угорских культур сложилось единое этническое образование – юдинская культура предков манси. Единая, потому что на памятниках этого времени – городищах, святилищах и могильниках – найдена керамика одинаковой формы, орнаментированная шнуровым или гребенчато-шнуровым способом, а к концу бытования этой культуры на пространстве от реки Лозьвы (Ликинский могильник) до Пылаевского некрополя на реке Пышме повсеместно распространился обряд захоронения в форме ингумации в неглубоких могилах²⁴. Набор предметов с памятников также достаточно единообразен. Только в верховьях реки Тавды он значительно богаче, поскольку там проходил путь обменных связей из Прикамья в Западную Сибирь и часть товаров в обмен на пушнину оседала в этом районе.

Угры-коневоды, войдя в местную среду, перешли к оседлому образу жизни и занимались скотоводством, охотой и рыболовством. Раскопанные памятники этого времени, к сожалению, немногочисленны. Но даже по ним можно судить о расцвете культуры, ее самобытности и широких обменных, хозяйственных, духовных связях с соседними культурами.

В верховьях Исети, как и во всем горнолесном крае, пока не найдены ни городища, ни некрополи X–XIII вв. Зато на всех традиционных местах металлургического производства присутствуют следы пребывания населения юдинской культуры. Так, в линзах кальцинированных косточек у основания скал Чертова городища найдены фрагменты сосудов юдинской культуры, железные и медные куски шлаков, фрагменты листовой меди с заклепками от котлов, костяной наконечник стрелы (см. рис. 8, 12), железные скребки и ножи, точильные камни, фрагмент шумящей подвески (см. рис. 8, 9), железный крючок от пряжки (см. рис. 8, 13). Таким образом, производство металла, как и в предшествующее время, сопровождалось жертвоприношениями. Подобный состав находок был обнаружен у основания Больших Шарташских камен-

ных палаток и у скал Вершина I, II (см. рис. 8, 4, 6–8, 10, 11).

Варка кричного железа постепенно совершенствовалась. В наклонных расселинах памятника Палатки I зафиксированы остатки агрегатов в виде цепочки из

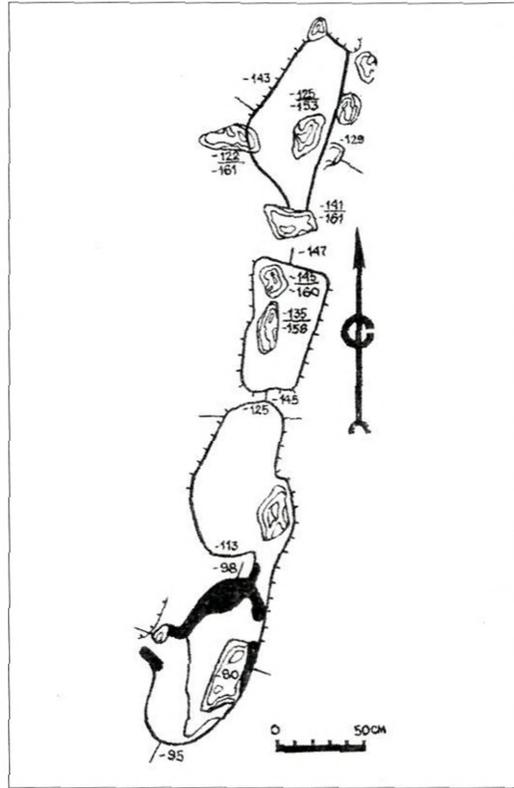

Рис. 11. Система оснований горнов. Палатки I

двух-четырёх взаимосвязанных оснований горнов (рис. 11). На верхней береговой кромке памятника, на пересечении расселины и выбранной кварцевой жилы была обнаружена пятиугольная в плане яма, на 35 см заполненная кусками закопченного кварца. Далее по наклонной поверхности расселины следовали основания горнов овальной формы размерами 0,97–1,00 x 0,5–0,65 м, углубленные в дресву на 0,3–0,35 м. Камеры соединялись между собой канавками длиной 0,2 м, шириной 0,1–0,15 м. В верхней части оснований сохранились пятна прокала, дно и стенки камер были покрыты сажей.

Восточнее комплекса узкие расселины были забиты кусками железного шлака, вместе с которыми лежали обломки сопел и пест для дробления руды. Поверхность валунов рядом с основаниями горнов покрыта выбоинами – следами кузнечной

²⁴ См.: Викторова В. Д. Древние угры в лесах Урала. Екатеринбург, 2008.

²⁵ См.: *Пелих Г. И.* Происхождение селькупов. Томск, 1972.

²⁶ См.: *Кернер В. Ф.* Комплекс эпохи позднего железного века на правобережье р. Исети // Урал в прошлом и настоящем: Материалы науч. конф. Екатеринбург, 1998. Ч. 1. С. 62–66.

²⁷ См.: *Колчин Б. А.* Железообрабатывающее ремесло Новгорода Велико-го // Материалы и исследования по археологии СССР. М., 1959. Т. 65. С. 83.

²⁸ См.: *Викторова В. Д.* Древние угры в лесах Урала. С. 133.

²⁹ См.: *Пастушенко И. Ю.* Кишертский могильник в бассейне р. Сылвы // *Finn-Ugrica*. Казань, 2006. № 9. С. 54.

работы. В таком агрегате возможен способ производства металла, известный в этнографии селькупов²⁵. Металл первоначально варился в первой верхней камере, затем рафинировался, стекая последовательно в три нижележащие камеры.

Остается загадкой, жило ли население юдинской культуры в горно-лесной полосе Зауралья или приходило туда только для производства металла и совершенных жертвоприношений. Пока на этой территории только в верховьях Исети раскопано одно жилище – на поселении Исетское Правобережное I²⁶.

Остатки жилища представлены слегка углубленным (до 40 см) котлованом квадратной формы площадью до 30 кв. м, ориентированным углами по сторонам света. Стенки котлована почти вертикальные, пол выровнен и лежит на культурном слое эпохи неолита. В конструкции его стен использовались столбы, врытые в землю в углах жилища. Бревенчатые стены жилища обмазывались глиной. В середине северо-западной стены располагался выход, ориентированный в противоположную от озера сторону, в виде слабо углубленного в почву тамбура квадратной формы размерами 2,0 x 1,8 м. Скорее всего, это было крытое помещение типа сеней, частично отделенное от жилого помещения стенкой из жердей, в которой находилась дверь.

Внутреннее пространство жилого помещения по функциональной принадлежности можно разделить на две половины. В восточной, очевидно, располагались спальные места (здесь находок эпохи железа не найдено), к которым со стороны входа примыкал небольшой очаг в виде пятна прокаленной супеси. Возможно, он был необходим в холодное и/или вечернее время – для дополнительного тепла и освещения. Западная половина жилища была бытовой. Здесь располагался очаг для приготовления пищи, около которого обнаружено несколько крупных камней с плоской верхней поверхностью, очевидно, необходимых для исполнения домашних работ. Развалы сосудов обнаружены в основном возле этого очага, а также вдоль противоположной от входа стены жилища.

Помимо керамики юдинского типа (см. рис. 1, 7) на поселении найдено овальной формы железное кресало (рис. 12, 5), датирующееся в пределах XI–XII вв.²⁷, возможно, к этому же времени относятся фрагмент пружинных ножниц (рис. 12, 6) и железная ременная накладка (рис. 12, 3).

В то время как в Зауралье период X–XIII вв. был временем утверждения юдинской культуры предков манси; в лесной полосе Приуралья под натиском пришлого с запада финского населения, видимо, объединившегося с местными финно-пермскими племенами, угры вынуждены были отступить²⁸. Часть угорского населения обосновалась в таежном крае левобережных притоков Камы, но основная масса угров в XI–XII вв. ушла в лесостепные районы Урала и снова перешла к кочевому образу жизни. На их основе сложились две культуры. В Приуралье угры-кочевники установили постоянные обменные связи с населением Булгарского государства²⁹. Началось постепенное проникновение в их среду ислама.

В Зауралье угры макушинской культуры вели сезонный образ жизни: с весны до осени кочевали в лесостепи, а зимовали на городищах, расположенных на южной кромке леса (Юдинском, Мохиревском), сменив в этих местах население юдинской культуры.

Общими чертами для обеих культур был возврат к курганному способу захоронения и к знаку коня в виде цепочки «подковок», завершающих ряды сдвоенных шнуровых оттисков (см. рис. 1, 8). Видимо, необходимость объединения продиктовала возврат символа почти тысячелетней давности. Угры макушинской культуры также начали использовать известные с давних пор места металлургического производства в верховьях Исети. Так, на памятнике Палатки II рядом с углистым пятном со следами прокала и линзой кальцинированных косточек найден развал сосуда макушинской культуры. К нижней части сосуда прилипли куски железного шлака (рис. 13, 1). Возможно, что наряду с этим артефактом к одному металлургическому комплексу следует отнести глиняную льячку (рис. 13, 2) и железный

скребок (см. рис. 8, 3), найденные неподалеку от развала сосуда. Подобные изделия характерны для памятников X–XIV вв. Зауралья и Западной Сибири. Фрагменты керамики макушинского облика известны в коллекциях с Чертова

в женском захоронении позволяют говорить о сохранении некоторых языческих черт в погребальном обряде.

В XIV в. с приходом в Среднее Зауралье тюркоязычного земледельческого населения угры были частично ассимили-

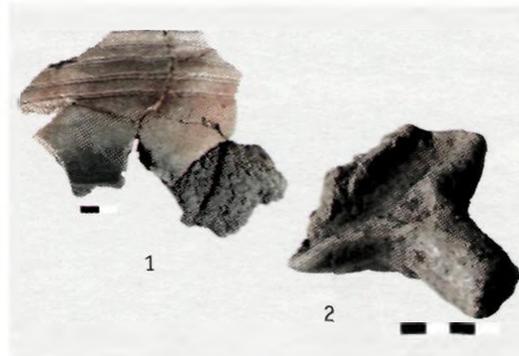

Рис. 12. Изделия с памятника Исетское Правобережное I: 6 – фрагмент пружинных ножниц; 5 – кресало; 4 – долото; 3 – ременная накладка; 1, 2 – точильные камни; 1, 2 – камень; 3–6 – железо (фонды ИИиА)

Рис. 13. Изделия с места металлургического производства макушинской культуры: 1 – фрагмент сосуда; 2 – льячка (фонды СОКМ)

городища и Малых вершин Шарташских каменных палаток.

К памятникам конца бытования этой культуры относится могильник Перегон V, расположенный у окраины деревни Палкино, в устье реки Решетки³⁰. Две ненарушенные могильные ямы имели прямоугольные очертания. Погребенные лежали головой в направлении ВСВ (женщина), на восток (мужчина) и на запад (ребенок). В мужском погребении сохранились остатки досчатого гробовища без дна. У правой голени женского костяка лежал согнутый пополам железный нож³¹. Общей чертой погребального обряда были следы огненного ритуала в виде пятен прокаленной земли. Д. И. Ражев определил, что погребенные принадлежали к уральскому антропологическому типу, в котором присутствуют как европеоидные, так и монголоидные черты³².

Судя по незначительному количеству находок, захоронения приходятся на вторую четверть II тыс., когда в среду населения макушинской культуры, по всей вероятности, начали проникать идеи ислама. Наличие огненного ритуала, неустойчивая ориентация погребенных и нож-

рованы. Но основная масса мансийского населения была вынуждена уйти в таежные края к северу и северо-востоку.

Середина II тыс. – белое пятно в археологии края. Для характеристики этого периода есть лишь одно жилище на памятнике у озера Шарташ. Оно располагалось на юго-восточной пониженной части многослойной стоянки Малый Шарташ III, у края заболоченной поймы озера³³. Это была наземная четырехугольная постройка площадью до 25 кв. м, возможно, срубной конструкции, ориентированная углами по сторонам света. Нижние венцы сруба дополнительно укреплялись вертикальными столбами, вбитыми в грунт. Кровля из досок опиралась на опоры, располагавшиеся внутри жилого помещения, которые имели отношение и к архитектурным элементам его внутренней планировки. Выход в виде проема шириной до 1,2 м располагался в юго-западной стене вблизи южного угла жилища.

Внутренняя планировка жилища и его интерьер достаточно сложны. Жилое помещение было разделено на две примерно равные части бревенчатой перегородкой с проходом шириной до 1,2 м. Функционально внутреннее помещение

³⁰ См.: Шорин А. Ф., Волков Р. Б., Ражев Д. И. Средневековый могильник на поселении Перегон V около г. Екатеринбурга // Охраняемые археологические исследования на Среднем Урале. Екатеринбург, 1999. Вып. 3. С. 183–188.

³¹ См.: Там же. Рис. 4.

³² См.: Там же. С. 183.

³³ См.: Кернер В. Ф., Чаиркина Н. М., Савченко С. Н. Поселение Малый Шарташ III // Там же. С. 83–97.

четко делилось на четыре сектора. Западный сектор занимали нары, северный, возможно, служил для отдыха и каких-то мужских работ. Восточный сектор представлял собой кухню, центром которой была печь, устроенная на глиняной «по-

Рис. 14. Каменоломня XVIII в. Остров Каменные палатки

душке» и состоящая из трех плоских гранитных блоков, стоящих на ребре и с трех сторон ограничивающих очаг. Вблизи печи были обнаружены развалы двух сосудов. Пол возле очага – огромная плоская плита скальных выходов, заполированная почти до зеркального блеска. В южном секторе находились сени, ограниченные с одной стороны бревенчатой стеной «спального помещения», а с другой – перегородкой. Вход в сени закрывался дверью. Переход в жилое помещение, очевидно, тоже имел легкую дверцу в перегородке.

По трем сосудам – не орнаментированным приземистым горшкам с невысокой шейкой, раздутым туловом и маленьким плоским дном, выполненным с помощью гончарного круга, железному кольцу и по конструктивным особенностям устройства жилища оно предварительно отнесено к концу XVI–XVII в., хотя этническая принадлежность его обитателей остается не вполне понятной.

К объектам XVIII в., связанным с приходом в край русского населения, относятся два памятника.

На перешейке полуострова палеоозера Романовского (памятник Палатки IV) исследована половина углежогного объекта. Еще до раскопок на круглой задернованной площадке, окруженной канавкой, были видны неглубокие ямы. В результате исследований оказалось, что в центральной части площадки яма прямоугольной формы была пустой, но примыкала к невысокому холмику прокаленной супеси. По краям холмика сохранились обгоревшие плашки. Мощный слой прокаленной супеси в южной части площадки был ограничен сгоревшей жердью, имел почти прямоугольную форму размером 1,3 x 1 м и примыкал к канавке. По краям данного объекта были расчищены обгоревшие плашки одинаковых размеров. Территория между этими двумя объектами заполнена сажистым слоем с включением угольков и скоплениями дерна, также содержащего угольки.

Объекты могут быть реконструированы как места, где происходил процесс томления угля. Заранее заготовленные поленья длиной 25–30 см кучно помещали на уже неоднократно использованные места и перекрывали дерном. По-видимому, из ям или канавки, примыкающих к кучам, поленья поджигали, а затем определенное время происходило томление угля в кучах до кондиции, необходимой для использования в производстве металла.

Юго-восточнее углежогной площадки среди камней найден развал плоскодонного сосуда, изготовленного на гончарном круге. По-видимому, в нем углежог готовили или подогревали пищу, а затем нечаянно его разбили.

Второй объект этого же времени – каменоломня – занимает центральную, самую высокую гряду острова Каменные палатки. По восточному склону горы лежат сброшенные сломанные и целые плиты размерами 1,0 x 1,5–2 м. На южной части скального останца видны готовые, но не снятые блоки со следами зубила (рис. 14). Железное зубило найдено в щели западной гряды острова. Размер его рабочей части совпадает со следами на неснятых плитах каменоломни. Можно предположить, что на каменоломне изго-

тавливались плиты для основания печей Верх-Исетского завода, пущенного в 1726 г.

На территории верховьев Исети открыты далеко не все археологические памятники, раскопками исследована только их малая часть. Однако результаты исследований, опубликованные в четырех статьях Вестника УрО РАН (Викторова, Кернер, 2007, № 4; Викторова, 2008, № 1, 2 и в настоящем издании), вполне достаточны, чтобы оживить древнюю историю края в пределах задуманного Археологического музея под открытым небом. Здесь возможна реконструкция поселков с жилищами, хозяйственными ямами и производственными площадками неолитического времени (Исетское Правобережное I), эпохи бронзы (Палатки II), эпохи раннего железного века (Верхняя Макуша), а также фрагмент городища Большегорского. Можно воспроизвести интерьер жилищ, мастерских по производству каменных орудий, действующие горны по выплавке меди и систему горнов для варки кричного железа. Немного потребуются времени, чтобы открыть часть каменоломни эпохи бронзы со стоящими по ее границе камнями-менгирами (Палатки I) и расчистить каменоломню XVIII в. на центральной гряде острова Каменные палатки.

Северо-западная площадка (Палатки I) и западная гряда (Вершина I) острова Каменные палатки с эпохи неолита до позднего железного века были местами, где совершались ритуальные действия.

Здесь есть возможность восстановить святилищный комплекс неолитического населения (мигрантов с Переднего Востока), где происходил обряд по утверждению пришельцев на новой земле. Местное энеолитическое население оставило следы ритуалов в различных частях острова. Впечатляюще будут выглядеть гранитная голова медведя у северного входа в тоннель и остатки жертвоприношений населения липчинской культуры эпохи энеолита у подножия скульптуры. Обряды одного и того же населения аятской культуры этой же эпохи имели различное назначение. В юго-восточной части поселка можно восстановить святилищный комплекс, где происходили ритуалы, посвященные происхождению Земли, а также способствующие удачному охотничьему промыслу; на западной гряде у каменной чаши – культовое место, связанное с производством каменных орудий; у западного входа в тоннель, обращенного в сторону озера, – место жертвоприношений, направленных на удачу в рыбной ловле. В восстановленном жилище эпохи бронзы можно будет увидеть ритуальное место с остатками жертвоприношений, а также реконструкцию одного из детских погребений.

В состав Археологического музея под открытым небом должны войти наскальные мифы Северской писаницы, а также культовые места – I и II Романовские дольмены. Рассказ об этих уникальных мегалитических памятниках, открытых в 2008 г., еще впереди.